

Ли Цзюньянь сказал:

— Ты, парень, даже не представляешь, что не только выиграл поединок, но и почти заполучил красавицу.

Е Чанцзянь махнул рукой:

— Да брось, где там.

Янь Уюй, вопреки своей привычке, не стал хвалить его, а серьёзно произнёс:

— Юаньсы, ты действительно смелый. — Он указал на что-то позади Е Чанцзяня.

Е Чанцзянь улыбнулся и обернулся, чтобы посмотреть, но в следующее мгновение его улыбка исчезла.

Тан Цзянли был окружён леденящей душу аурой, его лицо казалось покрытым льдом, выражение было ужасающим, а в глазах горел огонь, который, казалось, мог сжечь его дотла.

Тем временем под ареной продолжались шум и насмешки. Ученики Секты Сердца Юньшань, всегда энергичные и свободные, хором кричали Е Чанцзяню:

— Гу Няньцин, скорее сними вуаль с Ту Синьи!

По правилам клана Тушань, снятие вуали означало, что человек является судьёй.

«Скрежет»

Это был звук сжатых кулаков Тан Цзянли, кости трещали.

Е Чанцзянь сглотнул и тихо сказал:

— Тан Цзянли, послушай моего объяснения...

Тан Цзянли не хотел больше слушать ни слова от него и быстро ушёл, взмахнув рукавом.

Е Чанцзянь бросился за ним, крича:

— Тан Цзянли, послушай меня, в моём сердце только ты один!

Он произнёс эту фразу с исключительной глубиной чувств, громким голосом, который эхом разнёсся по всему небу над Далёкими Облаками и Водами.

Тан Цзянли шёл очень быстро, его одежда развевалась на ветру. Е Чанцзянь, видя, что он удаляется, быстро придумал план и притворился, что поскользнулся, громко вскрикнув:

— Ой!

Едва он произнёс это слово, как Тан Цзянли, словно ветер, развернулся и, используя «Смену формы, подмену тени», поймал его.

Е Чанцзянь удивился:

— Тан Цзянли, у тебя и на затылке глаза?

Тан Цзянли, увидев, что с ним всё в порядке, отпустил его и собрался уйти.

Он поспешно протянул руки и обнял Тан Цзянли за талию:

— В моём сердце действительно только ты один!

Он всегда следовал своим желаниям и не думал о последствиях, но когда он был таким осторожным и нерешительным, как сегодня?

В конечном счёте, причина заключалась в человеке перед ним.

Он даже думал о том, чтобы «Ночная переправа под звон ветра» и Далёкие Облака и Воды сосуществовали в мире. Стоит знать, что он всегда презирал этих учеников-культураторов, и такое решение было для него редкостью.

Тан Цзянли холодно смотрел на него, но в его глазах плясал огонь, что выглядело в точности так же, как когда он поймал его на том, что тот сбежал в город пить вино с цветами.

Е Чанцзянь, боясь, что человек перед ним разозлится до болезни, серьёзно сказал:

— Ты же знаешь, что у меня всегда болтливый рот, но сейчас в одном моём сердце действительно есть место только для тебя одного.

Белый свет в его сердце уже обратился в пепел вместе с ним под Строем Мечей, Истребляющих Бессмертных, и сейчас в сердце, глазах и мыслях Е Чанцзяня была полная фигура Тан Цзянли.

Е Чанцзянь сказал:

— Я тоже хочу сходить к тебе домой посмотреть. Ты ведь говорил, что Танмэнь очень хорошее, теперь я могу отправиться туда на обучение.

Увидев, что Тан Цзянли всё ещё молчит, он жалобно произнёс:

— Тан Цзянли, ты что, не говоришь? Или ты хочешь меня поругать? Тогда ударь меня.

Е Чанцзянь отпустил его, взял его руку и приложил к своему лицу, чтобы тот ударил его.

Но этот удар так и не последовал. Рука Тан Цзянли мягко коснулась его лица, а затем он погладил его по щеке, холодно произнеся:

— Е Чанцзянь, если у тебя нет намерений, не зря дразни чувства других!

Е Чанцзянь поспешно схватил его руку, весело улыбаясь:

— Есть намерения, есть намерения, я же отдал тебе своё сердце.

После того как он сказал это, Тан Цзянли поджал губы, а затем вытянул руки, чтобы обнять его, положив голову ему на шею и бессознательно нежно потеревшись несколько раз. Он обнимал его долгое время, прежде чем отпустить.

Е Чанцзянь с улыбкой сказал:

— Тан Цзянли, теперь весь Далёкие Облака и Воды знает, что ты мой человек, так что тебе

нужно соблюдать три послушания и четыре добродетели.

Тан Цзянли проводил его обратно в Беседку Чистого Ручья, попрощался и ушёл.

Е Чанцзянь стоял за воротами Бамбукового двора долгое время, пока не потерял из виду уходящего, и только тогда неспешно вернулся в бамбуковый дом.

Как только он переступил порог, Малыш Тигр ловко спрыгнул с окна.

Е Чанцзянь наклонился, Малыш Тигр оттолкнулся задними лапами и прыгнул ему в объятия.

Он, держа Белого Тигра, сел на кровать, почесал ему под подбородком и мягко спросил:

— Малыш Тигр, через несколько дней я отправлюсь в Четыре Великих Клана Культиваторов на обучение. Ты пойдёшь со мной?

Малыш Тигр встряхнул хвостом.

Е Чанцзянь нахмурился и ткнул его пальцем в лоб:

— Маленькое неблагодарное создание, сейчас на улице очень холодно, если ты не пойдёшь со мной, ты хочешь, чтобы я замёрз?

Малыш Тигр снова встряхнул хвостом.

Е Чанцзянь поднял его, прижал лоб ко лбу и с яростным видом сказал:

— Пойдёшь со мной или нет? Если не пойдёшь, я сдеру с тебя шкуру!

Человек и тигр были близко, Малыш Тигр вытянул язык и лизнул кончик его носа, всё равно встряхивая хвостом.

— Ладно.

Е Чанцзянь опустил его и глубоко вздохнул:

— Я совсем не хочу ехать на обучение.

— Но Тан Цзянли хочет, чтобы я поехал в Гусу.

Он когда-то клялся, что скорее умрёт, чем пойдёт в Танмэнь, но не ожидал, что в конце концов склонится перед синей и белой одеждой для культивации Тан Цзянли.

Е Чанцзянь откинулся назад, заложив руки за голову, закинул ногу на ногу и напевал:

*

Генерал ночью поднялся и танцевал перед шатром,

Восемь тысяч сыновей плакали, словно дождь.

Перед отъездом на коне, что ещё сказать?

Юй Си, Юй Си, что я могу сделать с тобой.

*

— Юй Си, Юй Си, что с тобой делать, с древних времён героям было трудно пройти мимо красавиц.

На его груди стало тяжелее, Малыш Тигр прыгнул ему на грудь, сверкая глазами, и смотрел на него.

Е Чанцзянь мягко улыбнулся, закрыл глаза и пробормотал во сне:

— Тан Цзянли, ты настоящее бедствие.

Малыш Тигр лизнул его щёку и спрятал свою круглую голову у него на шее, нежно терясь.

На следующий день на рассвете.

Е Чанцзянь проснулся вовремя, на столе стоял горячий завтрак, но Тан Цзянли нигде не было видно.

Тук-тук.

— Войдите.

Дверь открылась, и вошли Ли Цзюньянь и Янь Уюй.

Ли Цзюньянь с возбуждением сказал:

— Сегодня поединок главных учеников Четырёх Великих Кланов Культиваторов, все встали рано, чтобы занять хорошие места!

— О.

Е Чанцзянь вытер лицо, не проявляя особого интереса.

Янь Уюй сказал:

— Первый бой — старший брат против Юнь Сянжуна.

Е Чанцзянь бросил полотенце, большими шагами подошёл к столу, взял фарфоровую чашку и, запрокинув голову, выпил кашу внутри, не обращая внимания на то, что она горячая. Лево́й рукой он потянул Янь Уюя, правой — Ли Цзюньяня и повёл их наружу:

— Почему вы не сказали раньше?

Ли Цзюньянь, которого он тащил за воротник, едва мог дышать и отчаянно бил его по руке.

Е Чанцзянь поспешно отпустил его, Ли Цзюньянь закашлялся несколько раз и с перерывами произнёс:

— Кашель... ещё... есть... один... час до... начала!

— Первый бой — Клан Меча Танмэнь против Секты Сердца Юньшань, второй — Медицинская Секта Тушань против Клана Алхимии Сяо, а третий — финал между победителями.

Е Чанцзянь спросил:

— Кто-то делает ставки за пределами арены?

Янь Уюй посмотрел на него:

— Знаешь ли, пока мы сражались наверху, Цзюньянь открыл тотализатор внизу и заработал полный кот.

В прошлые годы на внутренних соревнованиях лучших учеников всегда выбирали из Секты Сердца Юньшань, но в этом году исключение — Клан Меча выставил Е Чанцзяня и Янь Уюя.

Ли Цзюньянь почесал затылок и сухо засмеялся:

— Ставки на вашу победу были неожиданностью.

Е Чанцзянь невзначай ответил:

— Поединок четырёх братьев должен быть предсказуем, лидером определённо будет Тан Цзянли.

Ли Цзюньянь покачал головой:

— В этом году трудно сказать. Артефакт Юнь Сянжуна необычный.

— Что это за штука?

Ли Цзюньянь медленно произнёс:

— Цитра Фуси.

Цитра Фуси Семи Прерываний, вторая среди Десяти Великих Артефактов древности.

Принадлежит клану Фуси, может манипулировать сердцами.

Струны сделаны из нефрита и чистейшего шёлка небесного шелкопряда, корпус вырезан из тысячелетнего дерева туна, разрывает семь чувств и отсекает шесть желаний. Одни струны, один звук — всё твёрдо и остро, не поддаётся разрушению, затрагивает сердце, убивает людей без формы.

Легенды гласят, что во время Второй Войны Бессмертных и Демонов клан Фуси потерпел поражение, вложил все свои пожизненные знания в неё и выбросил её за девять небес, след простыл.

Рейтинг различных бессмертных и демонических артефактов возглавляют Десять Великих Артефактов древности и Десять Великих Демонических Артефактов, за ними следуют Десять Великих Бессмертных Артефактов и Три Великих Призрачных Артефакта.

Драконий Клык Е Чанцзяня — второй среди Десяти Великих Демонических Артефактов, Всепроникающее Зеркало Инь и Ян — четвёртый среди Десяти Великих Бессмертных Артефактов, а Кисть «Летающий лебедь тушью» Янь Уюя — первый среди Трёх Великих Призрачных Артефактов.

Знамя Чи Ю Бу Фэйлина — третье среди Десяти Великих Демонических Артефактов, Треножник Чудесного Дерева Семи Сокровищ Сяо Линя — десятый среди Десяти Великих Бессмертных Артефактов, а Меч Ляньцяо Тан Ханьюя — седьмой среди Десяти Великих

Бессмертных Артефактов.

Ещё есть категория артефактов, являющаяся высшей по Небесному Пути, то есть Четыре Великих Божественных Меча Творения: Меч Чжусянь, Меч Лусянь, Меч Цзюэсянь и Меч Сяньсянь.

Все бессмертные и демонические артефакты им подчиняются.

Е Чанцзянь на мгновение задумался и спросил:

— Ты знаешь, какой артефакт у Тан Цзянли?

<http://bllate.org/book/16478/1496930>